

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВЕРЖАВЛЯНЕ ВЕЛИКИЕ
9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СМЯДЫНЬ
95

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
В ГОРАХ АРЕФИНСКИХ
207

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ЗАБОБОНА
309

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ШЁЛК ДА ЯНТАРЬ
411

Онемел я от волчьего взгляда.
Вергилий. Буколики. Эклога 9

*Твой раб, покорнейший судьбе,
Твой, тишина, безмолвный писарь.*
В. Макаренков

Радуйся, источниче, благодатию обильный...
Акафист святителю Спиридону Тримифунтскому

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕРЖАВЛЯНЕ
ВЕЛИКИЕ

1

Течение было напористым, хотя дурная сила половодья уже выдохлась. Но Гобза усмиряется лишь летом, делается ленивой, мелкой. А сейчас еще цвела весна, и вода была мутной, быстрой. Мальчишка в серых портах и длинной серой рубахе, подпоясанной веревкой, на высоком берегу, серо-зеленом от прошлогодних и свежих трав, то и дело вставал в полный рост на грязно-белой лошадке с длинной спутанной гривой, прочно прилепляясь босыми ступнями к ее широкой теплой спине без седла, чтобы дальше видеть. Но и с нее ему удавалось обозреть реку лишь до шеренги елок, из-за которых она и приходила. От нетерпения он кусал губы, почесывал кудлатую голову, ярко сверкал синими глазами. И снова садился. Лошадка стояла смиренно, меланхолично похлестывая себя хвостом по бокам. Но время слепней еще не пришло. А вились вокруг только комары, да и тех было немного в этот дневной час. Прямо на берегу был сооружен шалаш из веток. Рядом чернело кострище. Мальчик сторожил реку уже третий день. И не знал, напрасно или нет. Надо ли будет пускать воду? Пособлять Гобзе? Точно могли определить только те, кто сейчас где-то шли по ней с верховий. От этого зависело все. Вся его жизнь. Так казалось ему.

В прошлый год ничего не получилось. Ребята смеялись, мол, ишь чего пожелал, Сычонок, — так его все кликали

в Вержавске, будто он — сынок сыча, совы, потому как только и умеет, что протяжно и округло посвистывать — точно как сыч. Крылышки еще не выросли, дабы так далеко слетать от Вержавска. Дома лови мышей. А от бабки он услышал, что реку мочно задобрить. Как? Да бросить кусок пирога в воду. Но только надо хорониться от русалок и держать в руках полынь и петрушку. И как голос послышится: что у тебя там? Отвечать: полынь. Тогда она крикнет: брысь под тын! — и поскакает дальше. А ежели молвить: петрушка, — она и брякнет: поди сюды, душка, да ущекочь вусмерть.

А так как он Сычонок и только и умеет, что свистеть округло и протяжно, то эти две травы и надобно держать: полынь показать, а петрушку переметнуть за плечо.

И он ведь так и сделал в этот раз. Только не пирог, а хлебушка и яйцо покрошил Гобзе, а травы, с осени припрятанные, всё держал в руке, пока они совсем в труху не превратились. Да и не явилась ему русалка. Только рыбы плескались в Гобзе, пожирая хлеб и яйцо.

Солнце светило сквозь белесую пелену жарко. По зеленеющим лесам гулко куковали кукушки. Пахло рыбой и свежей зеленью, землей. Лошадь пощипывала травку, разгребая мордой старые травы. Сеном-то она и так была сыта, всю зиму пробавлялась.

Если отец не велит скакать в Вержавск, к озеру, чтобы отмашку дать: открывайте заплоты! — то лошадь он здесь и оставит пастись, мамка к вечеру за ней придет.

Велит или не велит?

Сычонок снова встал босыми ногами на спину лошади.

Теплый влажный духовитый ветерок пошевеливал его вихры, дул в синие широко раскрытые глаза.

И вдруг на реке появилось что-то!

Мальчик весь напряжился.

Ну?

Ну?!

Но то пыло дерево с землей и старой травой.

Сычонок от досады ударил себя кулаком по ноге.

А вдруг отец и не покажется? Всякое может случиться в тех лесах, откуда течет Гобза. Злой по весне медведь любо-го заломит, ежели зазевался, остался с голыми руками. А не всегда же будешь с топором ли, с рогатиной. Или еще какая напасть приключится. Лес, он кишит и зверем видимым, и зверьем невиданным. В болотах Сливень промышляет, хоть священник Ларион и кадит своим дымом, бьет в колокол и, мол, всю нечистую силушку прогоняет. А бабка Белуха ему не верит и былых богов поминает. И про Сливеня ладно рассказывает. Живет-де тот Сливень в болотах и мутных озерах, его и по-другому называют: Яша. Сливень Яша по-доброму тех пропускает, кто с поклоном через болото по тропочке, по мосткам идет, с поклоном и просьбой пропустить, не творить злого, а особенно тех, кто чего-нибудь да пожертвует. А уж если черного петуха ему зарезать да положить в трясины, то и вовсе всю весну, все лето, осень всю можешь ходить, не оглядываясь, на болото: за тетеревом ли, за ягодой или так просто, по необходимости пройти.

Отец ей запрещает то говорить. И сам носит крестик и только богу Христу с овечками и кланяется, именем его и клянется. И Сычонок крещен священником Ларионом в церкви Илии-пророка на самом вершине Вержавска. Спиридоном именован. А все кличут Сычонком. Хоть у него на шее и болтается грязная тесемка с железным крестиком.

И когда он хлебушек-то в Гобзу крошил да яйцо вареное, то старался за кустом держаться и не вставать. А как покрошил, отряхнул руки да вышел из-за куста в желтых пылящих сережках, то с опаской посмотрел в сторону Вержавска. А ну как круглолицый священник Ларион, с торчащими усами и жидкой бородой, сидит на колокольне и из-под руки суды и зырит?

Сычонок даже как будто увидел колокольню, отражающуюся в водах озера, что растекается вокруг длинного и высокого холма, похожего на загривок великого вепря, а то и сохатого, и самого отца Лариона в черной заношенной шапочке. Прозвище у него — Докука. На том холме-загривке город Вержавск, обнесенный дубовым тыном, замазанным толстым слоем глины, и стоит. Ни с какой стороны не подступишься. К воротам ведут мостки над топкими хлябями, где и соединяются два озера: слева — озеро Поганое, озеро справа — Ржавец. Но и вокруг в редко разбросанных избах живут люди. А только за тыном-то покойнее. И тем, кто за городом живет, велено строго: если враг поперет, враз порубить свои лодки. А мостки разбираются.

Сычонок на колокольню с сынком Лариона, Ивашкой Истомой, забирался и тоже глядел вокруг. Ух ты! Дух от того зрелища занимается. Во все стороны уходят волнами леса, леса Вержавлян Великих, — так вся волость прозывается. Даже и до большой реки Дюны доходит. И конечно, леса Дюны с колокольни видать. А еще можно узреть и сам Смоленск, град княжеский, огромный. Так Ивашка говорит, мол, видал он маковки церквей на смоленских холмах в особенно ясную погоду. Правда, в тот раз Сычонок ничего и не разглядел, как ни пялился — до рези и слёз. А Ивашка тот славный Смоленск и ближе видел: ездил туды со своим батюшкой Ларионом. И кудесь¹ рассказывал. Мол, церквей тама, на холмах, видимо-невидимо, вот как боровиков в лесу после солнечного теплого дождя. И все в золоте, не то что деревянная церковь Илии-пророка в Вержавске. И река там под холмами — силища — Днепр. Кораблиц — тьма у причалов. И всяко-разные языки: немчура, варяги, греки, ляхи. Все то вар туды-суды таскают. И на торгу продают. А торг там —

¹ Чудеса.

Вавилон, как баит батюшка. Крики — до неба. Кто что взять зовет: кто курей, кто меха, кто мёду, кто козу, кто крынки, кто воску. Нет в мире больше города, чем Смоленск. Ежели только Царьград, баит батюшка, чуть поболее. И ведь в тот Царьград смольняне и плавают по Днепру-реке. А домов в Смоленске — как орехов в урожайный год в Бельчатке, есть такое место неподалеку от Вержавска, орешник сплошной. И стоят среди них терема. А на самой высокой горе Смоленска — велий¹ храм Успения Божией Матери. И всюду мостовые из дерева. И город обнесен крепкими дубовыми стенами, а в них множество ворот. И те ворота охраняют воины в шишаках, кольчугах, с мечами. Столько их, что хоть сейчас в поход куды-нибудь, а хоть и на Царьград!

И с тех рассказов Ивашки занемог Сычонок. Страх как захотелось все самому увидеть. Ведь даже его отец в Смоленске и не бывал ни разу. И мать не бывала. А Ивашке вон какая участь смладу выпала.

Но зато сейчас Сычонка ждало плавание к самой Дюне с отцом на плотах. Если Гобза смилостивится.

Да али не-а?

По примете — вязу на том берегу — да. Батька то и баил, что, если вяз пятку мочит, довольно воды, а если на солнышке греет — мало. Но уровень падает, того и гляди вяз пятку покажет. Потому и гарцует здесь Сычонок.

А в самую полную воду вяз и по пояс стоит в реке. Но тогда плоты гнать опасно, Гобза еще дурная, прет по лесам. Как в берега войдет, тогда и можно. Батька лучше других в Вержавске знает Гобзу, и Каспю, и Дюну. Дубы Вержавлян Великих он продает в Видбеске² да в Полоцке.

И Сычонок бросает взгляд на вяз, вопрошая его: да али нет?

¹ Великий.

² Витебск.

И уже сморило весеннее солнце мальчишку, слез он с лошади, заглянул в шалаш, да и прикорнул там... Как вдруг сквозь сон захрапела ему прямо в лицо Футрина¹, она всегда предвещала дождь ли, сильный ветер и любую перемену, начинала ржать, бить копытом. Сычонок сразу очнулся. И точно: Футрина ржет, храпит. Высунул голову из шалаша и сразу увидел: плывут.

Плывут.

Плывет батя Возгорь Ржева, как его все прозывали, хотя Ларион звал только Василием, именем, данным в крещении. Вон он стоит на плоту, рослый, совсем голый, моластый, с русой рыжеватой бородой и только в шапчонке, заломленной набок. А Зазыба в одной рубаше. Жарко ведь. Сычонок выскочил из шалашика, задохнулся, не знает, что и делать. К воде ли бежать, или к Футрине — да и скакать в Вержавск с криком: подымай заплоты. Да только нету у Сычонка крику. Один свист совиный. Ну, или стон протяжный дурной. Но махнет на заплотах, и те сразу уразумеют, пойдут подымать, пускать воду. И тогда Сычонок снова в Вержавске останется и так и не увидит ни реки Каспли, ни реки Дюны, ни Видбеска, о котором бают, что тож город поболее Вержавска.

Ну?!

И Сычонок в батьку своего вглядывается, красного от солнца, с мокрой бородой.

А тот правит к берегу. Сквозь усы и бороду белеет зубами его улыбка.

Плот ткнулся в берег. Сычонок глядит на него во все глаза, наструненный, как пес на охоте.

— Чего мешкаешь? Ристай мигом! — кричит Зазыба Тумак.

Сычонок враз погас, понурился.

¹ Непогода.

Одноглазый чернявый Зазыба улыбается. Зубы у него побиты. Очень драчливый мужик. И глаз-то утерял в сваре. Самый верный друг бати.

— Да ты спишь ли, Спиридошка?! — кричит отец. — Не чуешь? Давай треножь Футрину и ристай на плот-то! Али передумал?

Сычонок моргает. Так ведь *ристай* — и беги, и скачи, и ходи быстро, как сразу поймешь? Но уже он кинулся к Футрине, ловко треножит ее, чтобы куда не забрела. Хотя никуда и не уйдет, смиренная скотина, если только гроза не идет на смену солнцу. Даже не стреноживать ее было бы лучше — сама домой под вечер пришла бы. Но мамка все равно по вечерам к нему сюды приходила с едой. Не мог Сычонок и на чих отсюда отлучиться — а ну как раз и придут плоты?

И он сбежал к реке, перепрыгнул полоску уже растущей воды меж берегом и плотом, поскользнулся на мокрых бревнах и упал, зашиб больно ногу. Но тут же его подхватила сильная рука Зазыбы. Тут Сычонок спохватился, что забыл в шалаше узел с едой и сменной рубахой. Да разве крикнешь? Только засвистеть и может. И он засвистел, ровно сыч, — протяжно и округло, указывая на берег и шалаш, взмыкнул бычком. Но берег уже отдалялся, течение влекло тяжелый дубовый плот дальше.

— Чего там? — спросил отец.

Сычонок знаками показал, что рубаха и еда.

Но отец только махнул.

— Мамка все заберет! А то от него, вишь, прещение¹!

И он указал на солнце. Солнце лакало Гобзу. Но, значит, не так уж и сильно, если не надо подымать в Вержавске заплоты. И тут только мальчишка перевел дух, оглянулся. А сзади идут другие плоты.

¹ Угроза.